

Алена
МОСКОВСКАЯ

ЖЕНА ПО ОШИБКЕ
Измена
ПО ЛЮБВИ

Алена Московская

**Жена по ошибке.
Измена по любви**

«Литнет»

2025

Московская А.

Жена по ошибке. Измена по любви / А. Московская — «Литнет», 2025

НОВИНКА: «РАЗВОД ПО РЕЦЕПТУ» — Костя, кто эта женщина?! Твоя любовница? — Маша, ты что, с ума сошла? Это просто клиентка. — Угу. Только клиентки не рожают от тебя детей. Я думала, у меня кризис в браке. А оказалось — сериал, где я играю дурочку. Цветочный бизнес сгорел. Буквально. Месть, поджоги, суды, новости о детях моего мужа от другой. Но знаете, что страшнее измены? Понять, что вся твоя жизнь с предателем была ошибкой. А самое приятное, что ему не поздоровится. Я намерена во всем разобраться и отомстить. ♥#ХЭ ♥#НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ДОБАВЛЯТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКИ И СТАВИТЬ ЛАЙКИ!

© Московская А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	32
Глава 11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Мария

Кабинет у него странный.

Пол — темный ламинат, под ногами немного скрипит, как старый паркет. Стены — матово-серые, никаких дипломов, только один черно-белый постер с каким-то цитатником в рамке. Я не успела прочитать.

Запах — кофе, немного табака и старой кожи. От кресел. И еще... как в мастерской дедушки — сухо и тепло, с нотками железа.

Он сидит напротив, руки на столе. Стол — не офисный, а деревянный, темный, потертый, с глубокими царапинами по краям. Как будто тут били кого-то. Или что-то ломали.

Я смотрю на его руки. Короткие ногти. Палец с порезом. Без обручального кольца.

— Он не пропал, — говорит Игорь, и голос у него такой, будто он озвучивает прогноз погоды.

Я сижу в кресле напротив, руки вцепились в сумочку, пальцы побелели. Сердце стучит громко, будто хочет перебить его слова. Или перебить мне ребра.

— Что значит... не пропал? — Говоря я, почти заикаясь.

Он молча поворачивает монитор. Фотография. Константин. Мой муж. Стоит в аэропорту, держит в руке телефон.

В джинсах и светлой рубашке. С телефоном у уха. Рядом — женщина. Беременная. Очень беременная. Платье натянуто на огромный живот, рука лежит на его груди. Она смеется.

Я чувствую, как внутри начинает подниматься тошнота. Я не моргаю. Только смотрю.

— Это Сочи. Вчера утром. Они прилетели вместе, — говорит он. — Вылет из Внуково. Билеты бронировались через другую фамилию. Но я сверил номер паспорта. Это он.

Я все еще не понимаю.

— Он улетел... на роды? — спрашиваю. Никогда в жизни не думала, что из моего рта прозвучит такой вопрос.

— Да. У них должен родиться ребенок. Через пару дней. Или уже родился — информация обновляется медленно.

Воздух в комнате становится густым. Кажется, если вдохну — подавлюсь.

Я хватаюсь за подлокотники, ногти врезаются в кожу кресла. Оно мягкое. На удивление удобное. А я сижу в нем, как в ловушке.

— Это не может быть, — говорю. — Вы уверены? Может, он... помогает кому-то? Просто знакомая? Подруга?

— Ваша беременная подруга обычно гладит вашего мужа по груди в аэропорту?

Я отвожу взгляд. Звон в ушах. Хочется вырваться отсюда. Но я сижу. Потому что если уйду — значит, соглашусь. А я не согласна.

— Кто она? — шепчу, я будто под водой, я будто тону.

Он качает головой, стуча ручкой по краю стола.

— Пока не знаю. Мы начали проверку. Но то, что между ними не дружба — это факт.

— Это все... неправда. — Я мотаю головой, щеку изнутри покусала так, что вкус крови во рту становится единственным, что я чувствую.

— Это все — правда. Просто не та, к которой вы привыкли.

Меня трясет.

Плечи ходят ходуном, как будто я замерзла. Но я не замерзла.

Я горю. Стыдом. Злобой. Отвращением.

— Десять лет, — говорю. — Десять лет я... Жила с ним. Верила. Хотела детей. А он говорил: «Потом». «Когда будет дом». «Когда подрастем». А сам...

Я залипаю в пол. Игорь молчит. Дает мне выговориться.

— Как можно так? — говорю почти шепотом. — Это... какое-то кино. Я думала, это бывает в сериалах. Не в жизни.

— А я думал, меня уже ничем не удивить. Но, видимо, клиентура растет.

Я вскипаю.

— Вы что, смеетесь? Вы надо мной издеваетесь?

— Нет. Просто, если вы сейчас не начнете злиться — вас накроет. Лучше злиться, чем тонуть.

Я смотрю на него. Грубый. Прямой. Ни грамма сюсюканья. Но в его взгляде — что-то настоящее. Честное.

Я стискиваю зубы. Горло сжимается. Слезы подходят, но я их не пушу. Не сейчас. Не перед ним.

Он смотрит на меня.

В глазах — не жалость. Скорее... наблюдательность. Как будто он уже видел такие сцены. Не один десяток раз.

— Хотите, я прослежу за ними? — спрашивает, наклонив голову вбок. — Мы можем узнать все. Где живут. Откуда знают друг друга. Когда началось.

Я киваю. Еле заметно.

— Да. Мне нужно знать. Все. Но...

— Но?

— Только не говорите сейчас, что у него... еще кто-то есть.

Он молчит. И это молчание страшнее слов.

— У него кто-то есть еще?

— Пока нет подтверждений. Эта — первая. Дальше — увидим.

— Значит... это измена. Просто измена, да?

— Простая — не то слово. Но да, измена. — Он пожимает плечами.

Я встаю. Слишком быстро. Все плывет перед глазами.

Он подает мне стакан воды. Я не беру.

— Мне нужно подумать, — говорю. — Переварить.

Он кивает. С пониманием. С сочувствием.

— Я завтра вам напишу. Как только узнаю, кто она. И... — он достает из ящика визитку — если станет хуже — звоните. В любое время. Я не врач, но... разруха мне знакома.

Я беру визитку. Бумага плотная. Черная. Имя — серебром: Игорь Самойлов.

Выходя, я чуть не спотыкаюсь о коврик. Он зацепился за каблук. Проклятый коврик.

Все не так.

На улице пахнет весной. Землей. Солнце светит в глаза. Кто-то идет мимо с шариками. Кто-то смеется.

А у меня... муж улетел на роды ребенка. Только не со мной. И не нашего.

Глава 2

Мария

Я не помню, как дошла домой. Кажется, шла по инерции, как в тумане. Машины, люди, вывески, дети — все было где-то мимо.

Не касалось. Не отражалось.

Открываю дверь ключом, хотя рука дрожит. Замок щелкает, как всегда — глухо, с заеданием. В квартире — тишина.

Только знакомый запах: смесь ванили, ландыша и чуть-чуть земли — от цветов, что я приношу на продажу, и от земли, что приносится с улицы на подошвах.

Все как всегда. Только внутри — все не так.

— Моцарт, я дома, — говорю вслух.

Из-под кресла лениво выползает кот.

Крупный, полосатый, с белым «жилетом» на груди и вечным видом интеллигентного старика. Моцарт.

Потому что умный. Потому что когда он мурчит — звучит как увертюра.

Он подходит, трется о мою ногу, как будто все нормально. Как будто муж не предал. Как будто десять лет не рассыпались в пыль.

Я опускаюсь на корточки и прижимаю его к себе.

Он брыкается, но не сильно.

— Ты у меня есть. Остался хотя бы ты.

В горле — ком. Моцарт тычет носом в мою щеку, как будто все чувствует.

Отпускаю.

Он уходит на кухню, туда, где у него миска.

Все по расписанию. Ему не нужно разбираться в предательствах. Ему нужно молоко.

Я тоже иду на кухню.

Все в порядке. Скатерть чистая. Чашка на месте. В холодильнике — молоко, сыр, старый багет. Вода из крана — как всегда, чуть ржавая вначале.

Все как было. И все — не то.

Ставлю чайник. Зачем — не знаю. Руки делают, голова не думает.

Мне нужно движение. Что-то обычное. Пусть тело притворится, что все по-прежнему.

— Он говорил, что не время, — шепчу я вслух. — Что дети — это дорого. Что кризис. Что «еще немного подождать»...

Молоко в миске плещется. Моцарт довольный.

— А сам? У него будет ребенок. С ней. Беременной. Она ему гладила грудь, как будто так и надо.

Я включаю телевизор. Там бубнят что-то о погоде. Пробках. Рекламируют кровати со скидкой.

Мимо. Все — мимо.

Ставлю чашку, наливаю чай. Дрожат руки. Сахар падает мимо. Кладу его обратно пальцами. Как будто все это — моя вина.

— Он говорил, что любит. Всегда говорил. Каждый день. Целовал в лоб. Дарил цветы. На годовщину — путевка в Суздаль. Помнишь, Моцарт?

Кот зевает. Ему не до воспоминаний.

— Значит, можно любить и изменять? Или он просто врал все это время? Десять лет. Десять. Годы. Без детей. Без правды. Без себя.

Смотрю на чашку. Чай уже остыл. Ставлю в раковину. Резко. Она гремит. Моцарт вздрагивает, уходит в коридор.

— Прости, — говорю, виновато смотря на кота. — Я не на тебя.

Сажусь на пол. Прямо на холодную плитку.

Обхватываю колени. Смотрю в пустоту.

— Он не забыл меня. Он меня... заменил. Заменил. Как лампочку. Как сломанную вещь.

Губы дрожат. Все внутри рвется. Но я сижу. Потому что больше не могу стоять.

— А если у него что и правда будет ребенок? Будет держать его на руках. Смотреть, как растет. Давать ему свою фамилию. Все то, что он обещал мне, но не дал. Подарил другой женщине.

Молчание в квартире становится плотным. Моцарт возвращается. Садится рядом. Просто сидит. Не требует, не трется. Просто — рядом.

Я провожу рукой по его спине.

— Ты хотя бы не врешь. Не врешь и не уходишь.

Потом я встаю.

Иду в душ. Вода — горячая, почти обжигает. Но мне нужно это. Чтобы ожить. Чтобы понять, что я — живая. Что это не сон.

Когда возвращаюсь, сажусь за ноутбук. Открываю почту. Ищу письма от Кости. Последние — сухие, деловые. Какая-то ерунда про инвестиции. Как будто знал, что все скоро рухнет.

В одном письме — прикреплен PDF. Название: «Список вещей для командировки». Я открываю. А там — список на двоих. Женский шампунь. Молочная смесь. Подгузники.

Я закрываю ноутбук с громких хлопком. Я никогда не залазила в телефон или ноутбук мужа, никогда не копалась в его почте, а может надо было? Может уберегла бы свое сердце от такой боли?

Моцарт прыгает на подоконник. Смотрит в окно.

Я не могу просто сидеть.

Если останусь дома — сойду с ума. Тут все говорит о нем.

Полотенце в ванной. Его чашка. Его носки, которые я так и не выкинула, хотя он всегда их разбрасывал, как мальчишка. Я ненавидела это — и любила.

Одеваюсь на автомате. Джинсы, белая футболка, пыльная куртка. Волосы собираю в хвост. Лицо не крашу — не вижу смысла.

Внутри все серое, и снаружи пускай будет так же.

На улице — солнце, весна, все цветет. Птицы щебечут, как будто ничего не случилось. Как будто мир продолжает жить, пока у тебя внутри умирает что-то большое и важное. Десять лет.

Сажусь в маршрутку, прижимаюсь к окну, достаю наушники, но не включаю музыку. Просто чтобы никто не разговаривал. Мне нужно... побыть в этом шуме. В движении. В чужом воздухе.

А в голове — он.

Костик. Муж.

Как все началось.

Мы познакомились в университете. Я училась на дизайнера, он приходил за другом. Высокий, уверенный. Смотрел на меня так, будто знал, что я уже его. Я тогда еще не знала, что такие мужчины могут быть ядом.

Я думала — это любовь.

Он ухаживал красиво. Розы. Кино. Чай в термосе, когда я болела. Первые два года — сказка. Или нет. Сейчас я уже не знаю, было ли это на самом деле, или я придумала все сама.

А потом — его мама.

Ольга Владимировна. Холодная, как мороз в марте. Смотрела на меня, как будто я грязь под ногтями ее сына.

— Ты не пара ему, — говорила она мне за спиной. — Он — перспективный. А ты — с цветочками своими.

Она звонила ему каждый день. Напоминала, что у меня нет высшего. Что я «неприличная партия». Что я «не даю наследника». Я все терпела. Потому что верила, что любовь — все выдержит.

А он... Он говорил:

— Потерпи. Это просто мама. Она отойдет. Главное — мы с тобой.

Я терпела. Глотала.

Проглатывала каждую каплю яда, пока не притупился вкус.

Думала: ради нас. Ради семьи. Ради будущего ребенка. Которого не было. Потому что он все время говорил — не время. То кризис, то вложения, то ипотека, то бизнес.

А теперь...

Теперь он держит за руку другую. Улыбается ей. Смотрит, как у нее округлился живот. Считает дни до родов. Это должно было быть со мной.

Это моя рука должна лежать на его груди. Моя улыбка. Моя жизнь.

Это я должна была...

Маршрутка резко тормозит. Я чуть не падаю. Кто-то ругается. Я выхожу. Пять минут до магазина. Иду, как по воде. Кажется, я сейчас заплачу. Но нельзя. Не здесь.

Цветочный пахнет влажной зеленью. Открываю жалюзи. Свет режет глаза.

Лена еще не пришла. Я стою в тишине и смотрю на орхидеи. Как будто от них можно спрятаться. Как будто цветы помогут.

Я вспоминаю лицо той женщины. На фото. Она была... красивая. Мягкая. Счастливая. Беременная.

Она не виновата. Я не могу ее винить. Мужа нельзя увезти, правда? Он не чемодан. Не собака.

Или можно?

А если можно, тогда он кем был? Моим? Или просто... предметом, который временно был у меня в аренде?

Я ничего не понимаю. В голове — свалка. Один вопрос перебивает другой. Один голос кричит:

«Он тебя предал!»

Другой — шепчет:

«Может, ты сама виновата? Мало слушала? Часто уставала? Не была для него интересной?»

Я сжимаю кулаки. Нет. Хватит.

Я была. Я старалась. Я любила. Больше, чем надо. Больше, чем он заслуживал.

Открываю холодильник. Цветы на заказ — тюльпаны, гиацинты, кустовые розы.

Работа — спасение. Я начинаю собирать букет. Руки делают, голова шумит.

Моцарт бы сейчас прыгнул на прилавок. Терся бы, мешал. Его нет. Он дома. Один. Как и я.

А я здесь. В этой точке. На этом обломке.

И если уж я ничего не понимаю — то хотя бы не сойду с ума, пока цветы цветут.

Глава 3

Мария

Утро.

Я просыпаюсь не потому что выпалась, а потому что больше не могу спать. Тело как будто отключается от сна само. Я открываю глаза — и все тут же наваливается.

Молчание.

Телефон на тумбочке — пустой.

Ни звонков, ни сообщений. Ни от него, ни от кого.

Только рекламная рассылка с доставкой роллов и уведомление от банка: "Баланс пополнен на 217 рублей. Кэшбэк".

Как будто это имеет значение.

Костик не написал.

Он даже не попытался. Не спросил, жива ли я. Не соврал даже для вида. Просто... испарился.

Я поднимаюсь.

В квартире тихо. Только Моцарт стучает хвостом по подоконнику, как будто ждет знак, что завтрак будет. Молоко в миске — вчерашнее. Я мою, наливаю свежее. Он тут же подходит, вальяжный, как граф, и начинает лакать.

— Ну что, Моцарт... Тебе хоть не соврали, да?

Он даже не смотрит. Он в моменте. В своей тарелке. И это, наверное, завидно.

Я делаю кофе, не пью. Яйцо — варю, забываю, оно лопается. Все на автомате.

Смотрю в окно — серое небо, какие-то женщины с колясками. Беременные. Руки на животах. Как у нее.

Сжимаю губы. Выдыхаю.

На работу. Надо на работу.

Сегодня поставка. Новые цветы. Дышать надо. Через цветы.

Магазин встречает запахом воды, зелени и легкой прохладой.

За прилавком уже Лена — моя помощница, студентка.

Светлая, смешливая, всегда в кроссовках и с наманикюренными ногтями. Заказывает кофе с сиропом и вечно забывает про сдачу.

— О, тетя Лис, привет! — улыбается она и жмурится. — Вы чего такая бледная? Не выпались?

— Привет-привет, угу, — отзываюсь, не вдаваясь. Пытаюсь улыбнуться, но не получается. Рот не слушается.

Теть Лис. Она так меня называет с тех пор, как узнала, что моя фамилия Лисицкая.

Все зовут меня так — Лиса. В шутку. Глупо.

А от лисы у меня — ничего. Ни хитрости, ни грации. Только хвост, которого нет.

Рога только видимо есть, муж поставил.

— Сегодня гиацинты должны привезти и ирисы, — говорит Лена, заглядывая в планшет. — И еще какой-то новый сорт кустовой розы, розовый, прям нежнятина.

— Хорошо. Я приму.

Я беру журнал, записываю поставку. Все по кругу. Все, как всегда.

В это время звонит телефон.

Номер не записан, но я уже знаю — это он.

— Да, — говорю быстро. Голос сиплый.

— Мария, здравствуйте. Это Игорь.

Он говорит спокойно, с хрипотцой, как будто ночевал на балконе.

— Есть информация, — продолжает он. — Вам нужно приехать. Лучше сегодня.

— Это... срочно?

— Если вы хотите знать, кто она — срочно.

Короткая пауза.

— И, возможно, это не единственное, что вам нужно будет узнать.

У меня внутри сжимается что-то тугое. Как пружина. Как стена, которую только-только начала строить, а он собирается снова разобрать.

— Хорошо, — говорю. — Через час буду.

Я кладу трубку. Лена поднимает брови.

— Все ок?

Я киваю.

— Пойду ненадолго. Вернусь к обеду. Если привезут хризантемы — не бери. Только гиацинты и розы. Хорошо?

— Да, тетя Лис, без проблем. Всё будет чики-пуки.

Я выхожу.

Воздух щелкает по щекам. Машины проезжают. Люди говорят, смеются, живут.

А я иду. К нему. К Игорю.

Чтобы снова врезаться в ту же боль. Только глубже.

Потому что мне мало. Потому что я хочу знать все.

До конца.

Кабинет Игоря снова встречает меня запахом кофе, металлической пыли и чего-то кожного — может, от кресел, может, от него самого. Как будто тут не офис, а кабинет оружейника.

Он встает навстречу. Без улыбки. Только кивок.

— Добрый день, Мария.

Я киваю. Не уверена, что могу говорить. Сажусь в то же кресло, что и в тот раз. Оно будто стало жестче. Или это я.

— Вы сказали, у вас есть информация, — выдавливаю.

— Да, — он садится напротив и кладет на стол папку.

— Мы установили личность женщины с фотографии. Ее зовут Валерия Бессмертная. 33 года. Медсестра, работает в частной клинике на юго-западе. С Константином в отношениях... как минимум пять лет.

— Пять?.. — голос ломается. Я сглатываю. — Но это...

— Это их второй совместный ребенок.

Секунда тишины.

Потом я начинаю смеяться. Низко, зло. Как будто он пошутил. Плохую шутку.

— Какой второй ребенок, Игорь? Вы чего такое говорите? У них, простите, семья?

— Да, Мария. Первый ребенок родился три года назад. Мальчик. Живут раздельно, но он, по словам соседей, бывает у них часто. Ребенка воспитывает, водит в секции. Материально полностью обеспечивает.

Я зажимаю ладони в кулаки.

— Вы... вы меня за дуру держите? Как такое возможно? Где он был три года? Где я была?

— Рядом, Мария. Просто не там, где он жил. А там, где ему было удобно.

— Да он мне клялся. Он говорил, что мы — все. Что он просто не готов к ребенку. Что потом, еще чуть-чуть, подкопим...

Игорь кивает. Спокойно.

— Я верю.

— Так он все это время...

— Жил двойной жизнью. Или тройной. Я боюсь, вам не понравится то, что я скажу дальше.

Я замираю. В теле — ледяной удар. Сердце будто скатывается в пятки.

— Еще?

— Мы проверяем активность по его счетам. Есть нестыковки. Деньги уходили регулярно на два других частных счета. Один из них оформлен на женщину в Казани. Второй — на девушку в Мытищах.

Он делает паузу.

— У обеих — дети. Совпадения по возрасту. Примерно три-четыре года. И... он значится во всех свидетельствах о рождении.

Отцом.

Глава 4

Мария

Неделю назад

— Я, может, в командировку на след. неделе, Маш, — кричит Костя из ванной, с набитым зубной пастой ртом.

Я валяюсь в кровати, укрывшись до подбородка, у меня в ногах разлегся Моцарт. Теплый, пушистый, уверенный в себе. Его хвост лениво дергается в такт моему дыханию.

— Кость, ну ты же только вернулся, — тянусь, чувствуя, как в шее снова хрустит. Надо бы к остеопату записаться. После тридцати, говорят, все сыпется. Наверное, пора.

Костя выходит из ванной, вытирает лицо полотенцем.

На нем — шорты, футболка, улыбка. Он слегка небрит, волосы чуть растрепаны. Какой же он у меня красивый. Высокий, спортивный, уверенный. С ним всегда как за каменной стеной.

— Куда на этот раз? — спрашиваю разглядывая его.

— Казань, вроде бы. Или Нижний. Пока не ясно, как с рынком сложится.

— Ты ж в прошлый раз говорил — ни ногой в Казань. Там, мол, пробки, и гостиница плохая. — Я удивленно смотрю на мужа.

— Ну, если клиент платит — придется страдать, — усмехается, пожимая плечами. Подходит, целует меня в лоб. — Не скучай. Сегодня еще дома, ладно?

— Ладно, — улыбаюсь. — А вечером что, дома будешь?

— Да. Приготовим чего-нибудь? Или закажем суши?

— Давай сами. Ты давно обещал пасту с креветками.

Он театрально закатывает глаза: — О боже, эти креветки... Ладно, шеф-повар согласен. Мы смеемся. Просто. Чисто. Без задней мысли.

Семья.

Я встаю с постели, провожу свои утренние ритуалы. Чего вот он не найдет работу без командировок? Разве он не понимает как мне не хватает мужа?

Чищу зубы, умываюсь.

Но я ведь уже привыкла, да? Смотрю на свое отражение в зеркале, Костик любит свою работу, а я люблю его. Все правильно, нечего жаловаться, муж у меня идеальный. Вытираю лицо полотенцем и выхожу в ванны.

На кухне мы завтракаем. Муж ест омлет с помидорами, я — творог с медом и грушей.

Солнце льется в окно. На плите булькает кофе. В окно видно, как школьники спешат к автобусу, как старушка выгуливает таксу.

Все — родное. Близкое.

— Моцарт не дал мне выспаться, — ворчу. — Опять на голову лег.

— Значит, любит, — усмехается Костя. — Я, между прочим, ревную. Он к тебе больше привязан, чем ко мне.

— Ну извини, я ему молоко наливаю.

— Вот и вся твоя магия.

Мы смеемся снова. Я ловлю его взгляд — и он теплый. Не фальшивый.

— Маш, ты у меня лучшая, — говорит он, опуская взгляд в чашку.

Я улыбаюсь.

Думаю: может, скоро решится. Может, правда, все скоро получится — и ребенок, и путешествие, и...

Я все еще мечтаю.

Он уезжает около десяти. Целует меня быстро, торопливо, на ходу.

— Позвоню, как доеду.

Я киваю и машу ему из окна. Смотрю, как он садится в машину, пристегивается, набирает кому-то — наверное, Коле с работы. Или Артёму. Или...

О чем я вообще думаю?

Я поворачиваюсь и иду на кухню. Допиваю остывший кофе, ставлю чашку в раковину. Моцарт запрыгивает на подоконник, смотрит, как уезжает Костя.

Удивительно: он его не любит. Никогда не ласкался. А ко мне — да. Всегда. Молоко. Вся магия.

Я стою, глядя в окно. Весна. Уже тепло, но еще не душно.

Воздух свежий, как обещание.

А потом я одеваюсь, завязываю волосы в узел, иду на работу.

Моцарт провожает меня к двери — как охранник, с важным видом.

Цветочный магазин наполняется ароматом свежесрезанных пионов. На полках — гиацинты, тюльпаны, сирень. Пахнет весной. Лена болтает, шутит, ставит музыку.

День прекрасный. Продажи хорошие. Настроение — легкое.

Я думаю:

Вот оно. Нормальная жизнь. Уютная. Простая. Моя.

Думаю о будущем.

Вот бы мы с мужем уехали летом.

Просто взять и махнуть на машине к морю. Снять домик. Он, я и, может быть... если получится — с пузиком.

У меня от этой мысли тепло в груди.

Я даже улыбаюсь.

Иногда мне кажется, что я наконец-то начинаю жить по-настоящему.

Глава 5

Мария

Четвертый день.

Четыре дня, как он пропал. Просто... исчез.

Без смс. Без звонка. Без даже чертового эмодзи.

Я обзвонила всех.

Друзей — никто не видел.

Коллег — он не выходил на связь.

Соседей — не замечали.

Его тренер — говорит, не появлялся на пробежке.

Даже дядю Витю из рыболовного чата — ничего.

Будто испарился.

Даже... даже его мать набрала.

Хотя зарекалась.

— Может, Костик-то, наконец, одумался и сбежал от тебя, ведьма? — процедила она сладко. — Я ж ему сто раз говорила: не та ты женщина. Не семья — а кастрация.

Я просто нажала «отбой».

Другого и не ожидала.

Если бы он ушел от меня — она бы открыла шампанское.

Я шатаюсь по квартире, как в клетке.

Смотрю на телефон — ничего.

Моцарт спит на подоконнике, хвостом по стеклу. Ему все равно.

А у меня внутри — крик.

Иду в полицию.

Нахожу участок по району. Очередь. Вонь дешевого кофе и пота. Мужики в форме смотрят в экраны, будто играют в «три в ряд».

Подхожу к окошку.

— Муж пропал, — говорю. — Не выходит на связь четвертый день.

Молодой парень, стажер — по виду лет 25, щелкает мышкой, не глядя.

— Паспортные данные, фамилия, имя, когда видели в последний раз.

Я выкладываю все. Даю фото. Показываю звонки, сообщения, молчание.

Он щелкает еще пару раз. Потом, не отрываясь от экрана:

— Ну, по нашей практике, такие как ваш просто загуливают. Баба-бар, перепой — потом сам вернется.

— Он не пьет! — голос срывается. — Я вам уже третий раз говорю. Он не пьет! Он не гуляка! Он не из тех. С ним что-то случилось!

Стажер вздыхает, качает головой.

— Дамочка, вы ведите себя нормально, вы все-таки в полиции.

Я встаю. Медленно.

— Все ясно с вами. Как у вас там говорится?

"Труп будет — приходите".

Вы ведь так работаете, да?

Он молчит. Скалится.

Я выхожу, хлопнув дверью, так что стекло звенит, по коридору прокатывается эхо.

Сзади кто-то матерится, кто-то хихикает.

А мне все равно.

Все. Равно.

Я иду по улице, не глядя под ноги. Люди идут мимо — целые, нормальные, с сумками, с детьми, с кофе. У них все — как надо.

А у меня — пустота.

Куда ты делся, Костик?

Беда с тобой, да?

Или ты просто...

Просто ушел?

Я сама себе не верю.

Он бы не ушел.

Не может быть.

Мы только на прошлой неделе смеялись за завтраком.

Он целовал меня в лоб.

Он заказывал креветки.

Он был мой.

Боже.

Может, он в больнице?

Может, в лесу?

Может... даже думать не хочу.

Не могу.

С ним что-то страшное.

Он не из тех, кто просто...

пропадает.

Дома тихо. Моцарт встречает у порога, трется о ноги.

Я кидаю сумку. Прохожу.

Я сижу на краю кровати, не раздеваясь.

Телефон в руке. Экран пустой.

Проверяю все: вызовы, сообщения, мессенджеры. Ноль.

Ни точек, ни прочтений.

Ни его «зайка», ни его «уже почти еду».

Тишина.

И вот что страшно:

Костик так никогда не делал.

Да, бывало — не брал трубку. Я злилась, психовала, высказывала.

Но всегда потом приходила СМС.

«На встрече, не могу говорить»

«Улетел в себя, вечером все расскажу»

«Не нервничай, родная. Я рядом»

Он всегда давал знать, что он — есть.

И потом — звонил.

Рассказывал, как прошел день. Сколько сделал. Что ел. Как чувствует себя.

Иногда даже голосом был уставшим, хриплым — но все равно звонил.

А сейчас — ничего.

Никакого «занят».

Никакого «перезвоню».

Ни даже чертового «спишь?».

Я глажу Моцарта по спине. Он поджимает лапы, мурчит.

— Он бы не исчез просто так, — шепчу. — Он бы... хоть что-то.

И вдруг накатывает, как волна:

С ним точно что-то случилось.

Это не «ушел». Это — не смог вернуться.
Мое сердце это чувствует.
Оно всегда его чувствовало.
Я поднимаюсь, беру телефон. Захожу в браузер.
Если полиция не верит, найду того, кто поверит.
Пишу: "частный детектив Москва найти человека".
Смешно.
Никогда не думала, что доживу до этого.
Я — обычная женщина.
Цветы. Кофе. Салфетки с кружевом.
А теперь я вбиваю, как в кино:
"Найти пропавшего мужа".
Где-то же я это видела.
В сериалах, в фильмах — приходят к детективу, а он всех находит.
Всех.
И все.
Может, и Костика моего найдет.
Может, скажет: вот он, жив-здоров.
Просто... запутался. Просто... отдохнуть хотел.
И я прошу.
Конечно, прошу.
Если он жив.
Моцарт ложится на мои ноги. Молчит. Он всегда молчит.
Только смотрит.
И я шепчу:
— Помоги мне, Моцарт. Найти его. Вернуть.
Я нажимаю на первую ссылку.
И вижу — имя.
Игорь Самойлов. Частный розыск. Личное сопровождение. Без лишних вопросов.
Я вдыхаю. Набираю номер.
Слышу гудки.
И думаю:
Лишь бы взял трубку.
Лишь бы не послал.
Лишь бы...
— Да, слушаю, — отвечает хрипловатый голос.
И в этот момент все начинается.

Глава 6

Мария

Я иду к детективу.

Офис на втором этаже, лестница старая, деревянная, под ногами поскрипывает. Дверь с табличкой. Имя — Игорь Самойлов.

Я чувствую, как дрожат пальцы, пока нажимаю на кнопку звонка.

Дверь открывает сам.

Игорь.

Первое, что бросается в глаза — глаза.

Темные, почти черные, и в них — ни капли сюсюканья.

Ни: «бедненькая женщина», ни: «да что вы говорите». Только прямой, внимательный взгляд, будто просвечивает тебя на рентгене.

На нем — рубашка навывпуск, ворот расстегнут, рукава закатаны. На правой руке — шрам. Короткий, тонкий, как запятая.

Запах — кофе, табак, и что-то острое, как железо. Он пахнет взрослой мужской опасностью, такой, которой не пугаешься, а... доверяешь.

— Мария Лисицкая? — спрашивает он.

Голос — хриловатый, будто давно не спал. Или много курил. Или все с разу.

Не спрашивает — проверяет.

Как будто все про меня уже знает, просто уточняет для порядка.

Я киваю.

— Да.

Он делает шаг в сторону, пропуская внутрь. Я прохожу.

Внутри — кабинет. Стены серые, пол — темный ламинат, под ногами скрипит. Стол массивный, деревянный, потертый по углам.

Один постер на стене: «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь».

И никакой иронии в этом нет.

И я понимаю:

Этот человек не будет мне сочувствовать.

Он будет доставать правду.

Даже если она мне не понравится.

Я чувствую, как дрожат руки. Держу их в сумке.

— Рассказывайте, — говорит Игорь.

И я рассказываю.

Как он пропал.

Как не берет трубку.

Как не пишет.

Как никогда так раньше не было.

Как сердце чувствует — беда.

Он слушает. Не перебивает.

Только иногда делает короткие пометки.

Пальцы длинные, аккуратные. Рука твердая. Вся фигура — напряжение, сдержанная сила.

Когда я замолкаю, он поднимает глаза.

— Полиция?

— Сказали, загулял. Предложили прийти с трупом.

Он молча кивает. Как будто слышал это уже сто раз.

— Хорошо. Я посмотрю, что можно сделать. Дайте мне пару дней.
Если он жив — я его найду. Если врет — тоже.
Я киваю.
— Спасибо.
Я выхожу.
Становится чуть легче. Или просто появился кто-то, кто не отмахнулся.
Еду в цветочный.
На улице весна, но внутри все — серое. Гудит транспорт. Я как будто в пузыре.
В магазине Лена уже на месте.
Волосы собраны в пучок, на ногтях новый цвет, в руках — планшет.
— Теть Лис, привет! — улыбается. — Вы чего такая... еще более бледная, чем вчера?
Я улыбаюсь. Стараюсь.
— Все нормально, Лен. Работы много.
Я надеваю фартук. Открываю холодильник. Пересчитываю розы. Делаю заказ. Принимаю коробки с поставкой. Ставлю тюльпаны в воду. Проверяю температурный режим.
Все как всегда.
Но будто не я.
Мозг — работает. Тело — делает. А я...
Как будто смотрю на себя со стороны.
Каждое движение — как по инструкции.
Каждое слово — в тумане.
И все равно — мысли возвращаются.
К Косте.
Я встретила его, когда мне было двадцать.
Глупая, длинноволосая, с глазами влюбленной дуры.
Училась, подрабатывала на доставке цветов, носила ведро с гортензиями в бизнес-центр
— а он вышел из лифта. Улыбнулся. Сказал:
— Цветы тебе идут.
Я покраснела. А он попросил номер.
И написал. В тот же вечер.
Позвал на кофе. Потом в парк. Потом в кино.
Он был... взрослым. Уверенным. Спокойным.
А я — вся из нервов и восторгов.
У меня до него ничего серьезного не было. Были мальчики.
За ручку подержаться, в кино сходить. Смущенные взгляды и записки на парах.
А он — стал первым. Во всем.
Первым, кто сказал, что я красивая.
Первым, кто снял с меня майку и не испугался моей застенчивости.
Первым, с кем я хотела остаться навсегда.
Он был мой.
Муж. Любовник. Друг.
А теперь...
Теперь я не знаю, кто он.
И не знаю — кто я без него.
Цветочный — это его подарок мне.
Мой маленький рай. Моя оранжерея среди бетонных улиц.
Он сам снял помещение, сам подписал договор.
— Делай, как хочешь, Лисенок. Ты же цветы обожаешь, — сказал он тогда.
И правда — с детства.

Я рылась в клумбах у бабушки, делала венки из одуванчиков, заворачивала ветки сирени в газету, чтобы принести домой.

Я не знаю формулы инвестиций.

Не понимаю слова «капитализация».

Но я знаю, какой сорт розы выдержит дорогу, как называется аромат у нарцисса, который напоминает весеннюю пыль.

Я умею делать букет на прощение, букет на свадьбу, букет «у меня нет повода, просто люблю».

Но бизнесмен из меня, конечно, никакой.

Обычно — в ноль. Иногда — небольшой плюс. Один раз — минус тридцать тысяч, когда заказ сорвался.

Я переживала. Он тогда махнул рукой:

— Цветы — не про деньги. Ты не про деньги.

А я — про них. Про цифры. Должен же кто-то из нас быть с головой.

Я тогда смеялась.

Думала: вот он — мужчина, который меня понимает.

Я — про жизнь, он — про расчет. Вместе — баланс.

А сейчас...

Вся эта «жизнь» — в пыль.

Весь этот «баланс» — в трещинах.

Если он ушел...

То забрал с собой не только меня.

А и мой магазин, мою веру, мой цветочный мир.

— Теть Лис, вы точно в порядке? — спрашивает Лена, подходя с чашкой. — Может, вам отдохнуть?

— Все нормально, Лен. Просто... не выпалась.

Она не верит, но кивает.

А я снова ставлю цветы в воду.

И думаю:

Где ты, Костя?

Кто ты сейчас?

И... с кем?

Глава 7

Мария

Наше время

— Какие еще дети? — спрашиваю я, уже не своим голосом. — Вы чего? Вы... Вы разыгрываете меня?

Молчание между нами висит тяжелое, как потолок в этой комнате. Воздух пахнет кофе и чем-то металлическим. Наверное, от его стола. Или от всей этой... правды.

Игорь смотрит на меня. В упор. Но не холодно.

— Седьмой, — говорит он тихо.

Я поднимаю глаза.

— Что?

— У него семеро детей, Мария. Эта — седьмая. Сегодня утром прислали фото. Девочка. Мне становится жарко. Потом резко холодно.

Как будто меня облили водой, потом засунули в морозилку.

Сердце падает в живот, а потом куда-то дальше — под пол. Я встаю. Слишком резко.

Сумочка падает, рассыпаются платки, ручка, жвачка, телефон.

Я не нагибаюсь. Я не могу нагнуться.

Я — это хрупкая стеклянная ваза, которая наконец-то треснула по шву.

— Простите, — шепчу. — Мне нужно... Мне просто...

Он встает, подходит. Поднимает сумку. Медленно. Без резких движений.

Как будто я — пациентка психушки, которая вот-вот сорвется.

И, может, так и есть.

— Мария, сядьте. Я не хочу, чтобы вы упали в обморок прямо у меня.

Он ставит передо мной стакан воды.

Я не пью. Смотрю в точку.

— Как... как давно вы это знаете? — голос почти не слышен.

— Со вчерашнего вечера. Но хотел убедиться. Сегодня утром получил подтверждение. Фото. Аудио. Хотите послушать?

— Нет, — резко отвечаю я.

Он кивает.

— Хорошо.

Пауза. Я не могу дышать. А он продолжает.

Ровным, почти врачебным голосом. Не жалея. Но и не калеча.

— Первый ребёнок — восемь лет назад. Женщина из Казани. Родила мальчика. Потом — ещё двоих.

Трое детей от одной.

Пауза.

— Вторая — из Мытищ. Родила близнецов. Девочку и мальчика.

Пять.

Потом была Валерия. Вы ее уже знаете. Она родила двух. Мальчика три года назад. И девочку — сейчас.

Семь.

Я сижу. Молча. Лицо каменное. Внутри — не камень.

Внутри — пустыня. И пожар одновременно.

— У него три полноценные семьи, — говорит Игорь. — Четвертая — вы.

— Вы — не входите в их круг. Они знали друг о друге. Вы — нет.

Я медленно поворачиваю голову к нему.

— То есть... я не жена?

— С юридической точки зрения — жена. С реальной...

Пауза.

И тут он добавляет — уже почти со смесью сожаления и сухой иронии:

— Я если честно, Мария, с таким первый раз сталкиваюсь.

Беременные любовницы — это классика.

Но три параллельные семьи... точнее, четыре — с вами...

уж простите, ваш муж явно знает, что такое тайм-менеджмент.

Я смотрю на него. Долго. Молча.

А потом шепчу:

— Вы что, шутите сейчас?

Он не улыбается.

Я хватаю сумочку с пола. Неважно, все ли собрала. Плевать.

Я выбегаю из кабинета. В коридоре что-то падает, кто-то оборачивается, а я лечу вниз по лестнице, как будто если остановлюсь — сломаюсь окончательно.

Снаружи дождь. Или слезы.

Я не знаю, откуда мокро на лице.

И не знаю, как теперь жить.

С этим.

Я не помню, как доехала.

Села в маршрутку, вроде. Или такси. Кажется, водитель что-то говорил, предлагал воду.

Я смотрела в окно и думала:

А где он сейчас?

Обнимает новорожденную?

Целует кого-то в лоб, как меня раньше?

Или едет к одной из них, покупает сок, памперсы, шоколадку?

Семь детей.

СЕМЬ.

Я открываю дверь ключом. Моцарт выбегает навстречу, трется о ноги. Я его не вижу. Я прохожу мимо. Он идет за мной.

Квартира — как витрина.

Все стоит на своих местах.

Кружки. Ваза. Стул у окна.

Словно Костя только вышел за кофе.

Словно все это — еще может вернуться.

Я захожу на кухню. Снимаю пальто. Стою посреди комнаты.

И вдруг меня накрывает.

— СЕМЬ?! — кричу я в пустоту. — СЕМЬ, БЛЯТЬ, ДЕТЕЙ, КОСТЯ?!

Голос отскакивает от стен. Моцарт убегает в спальню.

Я хватаю первую попавшуюся чашку — швыряю в стену.

Она бьется на осколки, как мой голос, как моя вера, как моя жизнь.

— ТРИ от одной?!

— БЛИЗНЕЦЫ?!

— А Я?! А Я, БЛЯТЬ, КТО?!

Я швыряю еще одну.

Стук. Треск. Звон.

Вдох. Слезы текут, но не по-детски, не жалобно.

Это злые слезы. Горячие. Соленые. Настоящие.

Я хватаю вазу — ту самую, которую он подарил.

«Чтобы розы из магазина красиво смотрелись».
И — разбиваю ее об пол.
Треск. Вода. Стекло.
Моцарт мяукает издадека. Я сажусь на пол.
Среди черепков.
Мокрых роз.
И воздуха, которого не хватает.
Я рыдаю.
Я стучу кулаками по полу.
Я кричу: — Как ты мог, как ты мог, как ты мог...
И в какой-то момент...
начинаю смеяться.
Сквозь слезы. Сквозь сопли. Сквозь дыхание, которое сбивается.
Хохочу. Тихо. Потом громко.
Смеюсь, как будто услышала самый смешной анекдот в жизни.
— Семь, — говорю. — СЕМЬ.
— Да ты, Костя, чемпион, мать твою... Олимпийский.
— Четыре семьи. А я — бонусом. Сюрприз. Лотерейный билетик.
Я смеюсь и плачу. И снова смеюсь.
А потом замолкаю.
Все. Тишина.
И в этой тишине я понимаю:
Я больше не та Маша.
Та — умерла.
Сегодня. Вместе с вазой.
Вместе с мечтой.
А новая...
Я еще не знаю, кто она.
Но она точно не будет молчать.

Глава 8

Мария

Я сижу на полу среди осколков и понимаю: дно не наступило. Оно продолжает проваливаться.

Я думала, меня уже нечем удивить.

После семи детей. После четырех женщин.

После того, как внутри что-то сгорело и оставило за собой только пепел.

Но утром Игорь позвонил. Его голос был другим. Натянутым, как струна.

— Нужно встретиться. Срочно.

— Что еще? — мой голос хриплый. Я почти не спала. Моцарт не отходил от меня.

— Нашли квартиру. Одну из тех, куда он ездил «в командировки».

— И?..

— Там... комната. Закрытая. Специально оборудованная.

Пауза.

— Для детей.

Я ничего не говорю. Просто кладу трубку. Через час — мы там.

Дом обычный. Панельный. Не "жилище любовниц", не "гнездо лжи". Просто хрущёвка с облупленным подъездом.

Двор тихий, из тех, где воюют за парковки и соседей, курящих на лестничной клетке. Я поднималась по лестнице, чувствуя, как скребутся внутри когти. Сердце било по ребрам: тук-тук, тук-тук — как будто хотело сбежать раньше меня.

На третьем этаже — дверь. Металлическая. Кодовый замок.

Игорь встретил у двери. Без приветствий. Без улыбки.

Квартира пустая. Но в одной из комнат — ложь в чистом виде.

Дверь скрипнула. Запах — сладкий, пыльный. Как в старом детском саду. Или в магазине игрушек, где никто ничего не покупает.

Я шагнула внутрь.

Полки. Коробки. Игрушки. Машинки. Куклы. Плюшевые медведи.

Вещи новые. Все с бирками.

Каждый пакет подписан: "для Алисы", "для Артёма", "для Евы", "для Тимы"...

Я читаю и не верю.

Имена. Возраст. Размер одежды. Предпочтения.

«Артём — любит динозавров. Не покупать мягкие игрушки — боится.»

«Ева — аллергия на клубнику.»

Я читаю, а сердце рвется от того, сколько он скрывал.

На стене — фотографии. Не распечатанные, а экраны — маленький домашний сервер.

Игорь запускает.

Там он. Костя. С детьми. С разными женщинами.

На пляже. В кафе. На прогулке.

Он смеется. Подкидывает малышей. Держит кого-то за руку.

Я смотрю и не узнаю его.

Это не мой муж. Это какой-то артист.

Папа семи детей. Муж четырех женщин.

Комната была небольшой, без окон. За фальшивой стеной — аккуратный, жутко аккуратный уголок.

Детский ковер с дорогой, машинками и зебрами.

На стенах — фотографии. Рисунки. Поделки. Куча всего.

И над всем этим — идеальный порядок. Как музей. Как выставка. Как алтарь.

— Что все это такое? — прошептала я, хотя уже знала.

— Комната. Запасной выход в его... другой мир, — ответил Игорь.

Я подошла к полке. На одной — надпись от руки: "Милене 6 лет. Она любит желтый."

На другой — "Для Тимофея. Он боится темноты. Светильник оставлять включенным." Фотографии детей.

Синие глаза. Темные волосы. Один из них похож на Костю до мурашек.

— У него не может быть семи детей, — шепчу я, будто себя убеждая. — Этого не может быть...

— Было. И есть. И он... заботился. Как умел. Тайно. Параллельно. По графику. Видимо, сюда он привозил подарки, которые потом развозил. Может, детей даже сюда приходили. Кто знает.

— Он жил жизнью, в которых меня не было, — сказала я сдерживая слезы.

Горло сдавило.

— Зачем? Зачем ему все это?

Игорь пожал плечами. Медленно.

— Думаю, он любил быть отцом. Не мужчиной, не мужем. А отцом. Ему нравилось дарить. Уходить. Не нести ответственность. Создавать иллюзию. Тут — порядок. Все по полочкам. Как и его чувства.

Я смотрела на игрушки. На фото. На вязаные пинетки. И чувствовала, как трещит в груди.

— Он любил их всех. Но не меня.

Тишина.

— Вам нужно понять, — тихо сказал Игорь, — что вся эта комната — это не про вас. Это про него. Про то, кем он хотел быть.

Я стояла посреди детского рая, построенного в подвале ада. И не знала, как дышать. Как жить дальше. И зачем.

В этот момент я впервые осознала он не вернется.

Да и я не хочу, чтобы он вернулся.

Я чувствую, как дрожат пальцы. Становится дурно.

— Он что... склад делал?

— Или музей, — мрачно говорит Игорь. — Или хранилище для алиби.

Пауза.

— Псих, — добавляет он.

Я касаюсь коробки. Внутри — кукла в розовом платье. Запечатана. Новая.

— Он что... для каждой семьи сюда привозил игрушки, для каждого ребенка отдельно? — спрашиваю я, хотя зачем я в этом копаюсь, зачем пытаюсь понять то, что понять невозможно?

— Или сюда привозил себя. Как бы... центр управления.

— Или просто... не знал, куда все девать, — шепчу я. — Знаешь... у него ведь была мания — чтобы все было четко. Организовано. Упаковано. Все по порядку.

— Включая женщин?

Я не отвечаю. Просто оглядываюсь по сторонам.

— Что он... Зачем ему это? — Как много у меня вопросов, как же мало ответов.

— Контроль. Власть. — Игорь смотрит на меня. — Или страх. Что не удержит. И собрал всех, хоть в коробках.

Я закрываю глаза.

Мой Костя. Мой. Первый. Единственный.

А оказался — диспетчер. Семь детей, и у каждого — своя папка.

Я только начинаю приходить в себя.

После того, как я ушла из “детского рая” трясло меня явно не подетски.

По моей квартире все еще валяются осколки, Моцарт обходит их стороной, бросая на меня тревожные взгляды.

Весь ужас — как туман после пожара: вроде дышать легче, но в легких все еще копоть.

Я взяла совок и веник, осколки надо убрать, Моцарт пораниться ненароком. Божье создание не виновато, что так произошло.

В этот момент в дверь начинают стучать. Нет — долбиться.

— Машка! Открывай, сука! — грохот, как будто ломают входную.

Я подскакиваю.

В глазок — женщина. В черной кожанке, с ярко-красной помадой и безумным взглядом. Кричит, как будто ее дом сгорел, а я подожгла.

— Знаю, что ты дома! Не спрячешься! Выходи, шлюха!

Я открываю на щелочку.

— Вы кто?..

— Кто?!

Она с силой толкает дверь и вваливается внутрь.

— Я, блять, его ЖЕНА! ПОНЯЛА? НАСТОЯЩАЯ! — орет она прямо мне в лицо. — А ты кто? Сама не знаешь, да?

Я отступаю.

Моцарт фыркает и убегает под кровать.

— Тринадцать лет с ним живу, троих, блять, детей родила! Слушаешь? ТРОИХ. Не близнецы — по одному, чтоб не обделить. А ты что? Дура набитая, думала, у тебя один такой принц, да?

— Пожалуйста, выйдите из моего дома... — Я отступаю еще на пару шагов, эта женщина бешеная, мне становится просто страшно.

— Ты, сука, хоть понимаешь, что у нас трое детей?! Что он был дома пару недель назад, целовал сына, обещал сходить в кино, а потом — БАЦ — испарился?! А теперь я узнаю, что он тебе наобещал? И цветочный, и пиздюков, и навсегда?!

Я открываю рот, но слов нет.

Она замахивается.

Рука летит в мою сторону, но я успеваю отшатнуться. Пощечина скользит по воздуху.

Я хватаю телефон.

— Сейчас вызову полицию! Уходи!

— ДА ХОТЬ ЧЕРТА! — орет она. — А знаешь, что будет? Суд! Настоящий! Потому что я уже подала! На алименты, на все, на твою вонючую квартиру, если он ее тебе купил! Все, сука, все у тебя отниму! Потому что я — не хахальня, я мать его детей, поняла?!

Она кидает конверт мне на стол.

— Вот, читай, пока глаза есть, пока я их тебе не выцарапала!

И уходит, хлопнув дверью с такой дикой яростью, что стены трещат.

Я стою, не шевелясь.

В комнате пахнет адреналином, чужим парфюмом и страхом. Моим.

Сажусь на кухне. Вода из разбитой вазы давно высохла.

На столе — конверт. Желтый, мятый, но не распечатанный.

Я тянусь к нему.

Внутри — копии документов:

Исковое заявление. Подано в суд. Требования: алименты, признание отцовства, раздел имущества.

Мелькают даты. Суммы. Имена.

Мое имя.
Адрес этой квартиры.
И...
Фотография.
Я вытаскиваю ее. Сердце сжимается.
На снимке — Костя. В магазине игрушек. С тележкой. Полной.
Машинки. Куклы. Конструкторы.
Три детских куртки разных размеров лежат сверху.
И подпись ручкой на обороте:
"Это для моих. Тех, что по-настоящему семья."
Я кладу фото обратно.
И вдруг замечаю — на дне конверта что-то еще.
Ещё один лист.
Полусмятый.
Без печати, но с заголовком:
«ДОГОВОР О ПЕРЕПИСЫВАНИИ ИМУЩЕСТВА НА ТРЕТЬЕ ЛИЦО»
Имя в конце — мне незнакомо. Но адрес — мой.
Квартира, в которой я сижу.
В которой все рушится.

Глава 9

Мария

Я долго просто стою у двери.

Сумка валяется под ногами. Щеки горят — она все-таки задела. Или не физически — просто оставила след.

В коридоре все еще пахнет ее духами. Кричащими. Злобными. Такими, как она.

Она ушла с визгом шин. А я осталась.

Как будто с меня содрали кожу. Я дрожу. Руки трясутся.

Мне хочется в душ.

Мне хочется стереть с себя всё. Ее крик. Ее ненависть.

Ее — он никогда не любил тебя, поняла?!

Я бросаюсь в ванну. Вода — ледяная. Как воздух в легких. Я трясусь, но не могу остановиться.

Потом долго не могу выйти. Просто сижу на полу в халате и держу голову в ладонях.

Моцарт терся об ноги, замурлыкивая.

Я чувствую, как он переживает.

Даже кот понимает, что я на грани.

Через час я уже на улице.

Я иду по улицам, не видя дороги. Глаза пекут, щеки покрыты высохшими следами слез, а в голове — только одно: как все могло оказаться настолько... фальшивым.

Десять лет. Целая жизнь.

Я вытерла пыль с прошлого и увидела, что под ней ничего не было.

Только маски, только видимость, только роль, которую я играла — примерная жена, хозяйка, женщина, уверенная, что ее любят.

Мне тридцать. У меня нет ни мужа, ни семьи, ни даже уверенности в завтрашнем дне. Нет детей, о которых я мечтала. Нет даже проклятой квартиры — теперь и она под угрозой, если суд примет сторону той, которая кричала мне в лицо, что она "настоящая".

Я ничего не знаю. Ни про него. Ни про себя.

Я оказываюсь в парке.

Осенние деревья. Жёлтые листья.

А внутри — пусто. Как будто кто-то вынул меня из самой себя и выкинул остатки.

Скамейка, старая, облупленная. Присаживаюсь. Лицо в ладони. Тушь давно размазалась, ресницы слиплись. Люди проходят мимо, а мне все равно.

Я не женщина. Я тень. Кусок пустоты, который кто-то вывернул наизнанку.

Я шепчу: «Как ты мог?..» и тут же замираю — зачем? Кому?

Что я сейчас чувствую?

У меня ощущение, что я — комната.

И в этой комнате выбили дверь. Вытащили мебель. Разбили стекла. Унесли ковры, выбросили книги.

Оставили стены.

Только стены. Голые. Страшные. Кривые. Бездушные. Уродливые.

Что мне делать то? Как быть? Как жить дальше ?

Достаю зеркальце — тушь потекла до подбородка, глаза красные.

Вид, как после пожара.

И тогда — я наконец рыдаю. Не тихо. Не в кулак. А в голос. Как раненый зверь.

— Маш?

Голос рядом.
Я вскидываю голову — передо мной Игорь.
Он опускается на корточки. Смотрит мне в глаза.
По-настоящему. Не как врач. Не как детектив. Как человек. Как мужчина.
— Что случилось?
Я мотнула головой.
— Она приехала... та... вторая... или третья... Устроила истерику. Орала, что я разрушила семью. Что я никто. Чуть не ударила...
Голос захлебнулся.
— Сказала, что он... он никогда меня не любил. Что был только с ней...
Слезы снова наваливаются.
Игорь поднимается. Садится рядом. Снимает с себя куртку. Накидывает мне на плечи.
— Я ведь правда любила его, — говорю. — Поверить не могу, что все это...
Слова вязнут.
— Знаю, — говорит он. — И он знал. Потому и прятал все так тщательно.
Я поднимаю голову. Вижу его глаза.
Он не отворачивается.
— Он украл у меня не просто годы. Он украл мою уверенность в себе.
В том, что я что-то значу.
Я говорю это тихо.
Словно боюсь услышать это вслух.
— Ты значишь, — произносит он. — Слишком много для того, кто этого не понял.
Слишком честно. Слишком прямо.
Слезы снова подступают.
Я отворачиваюсь.
Он сидит рядом. Немного в стороне. Держит дистанцию. Но не уходит.
— Сегодня один из ребят все-таки подобрался к его системам, — говорит он, глядя себе под ноги. — Там... не просто трейдинг.
Я поворачиваюсь.
Он продолжает:
— У Константина были счета в офшорах. Панама, Сейшелы, Кипр. Некоторые оформлены на подставные лица. Там переводы с нескольких ИП — как будто он их курировал. Или крышевал.
— Крышевал? — я не верю в то, что слышу.
— Там не только прибыль. Там отмывка, Мария. Один счет за последние полгода — почти двадцать миллионов.
— Двадцать чего?!
— Рублей.
— Это... это все на чужих детях?
Он не отвечает.
Я истерически смеюсь. Бред какой-то.
— Я чувствую себя душой, — говорю. — Конченой.
— Ты жила, любила, доверяла. Это не дурацкое. Ты просто человек.
— А он? Он тоже человек?
Игорь молчит. Но взгляд его — тяжелый, взрослый. Как у того, кто многое видел.
— Он хорош в схемах, — говорит он, пожимая плечами. — Умный. Очень.
— Ну да, — говорю я, криво. — Он даже цветочный магазин мне открыл. Так грамотно, так щедро — в счет алиментов на потом?
Смех выходит нервный, горький.

— А я — наивная. Цветочки люблю. В убыток себе, но люблю. А он — любил цифры. И схемы.

— Ты не виновата, что верила.

Я качаю головой.

— Мне хочется вырвать из себя все, что было с ним. Вспомнить все заново, но без него.

— Я, наверное, выгляжу ужасно, — выдавливаю я, отворачиваясь.

— Ты выглядишь как человек, которому больно.

Эти слова будто срывают остатки защиты. Я начинаю плакать. Не тихо. Несдержанно. А так, как плачут дети, в магазинах, которым не купили шоколадку.

Он молчит. Потом медленно кладет руку на мою.

Ненавязчиво. Просто — рядом.

— Пойдем ко мне? — говорит он спустя минуту. — Не так, как ты подумала. Просто чай. Просто стены, которые тебя не осуждают.

Я смотрю на него. Губы дрожат. Подбородок сжимается от напряжения. Я киваю.

— Я не знаю, зачем. Но... да.

— Потому что ты человек. И тебе нужна передышка.

Мы идем молча. По улицам. Сквозь вечерний ветер. Мои волосы липнут к лицу, я все еще всхлипываю, но рядом — тепло. Тихое. Надежное.

Его квартира — небольшая, но уютная. На полках книги. На стенах — фотографии моря.

Я сажусь на кухне, он ставит чайник. Молча. Без лишних слов.

На меня снова нахлыывают эмоции. Веду себя как истеричка.

— Я... — я встаю. Хожу по комнате. Хватаюсь за голову.

— Я все это время спала рядом с... с кем вообще?! Он зарабатывал на том, что...

Голос срывается.

Я не могу.

Он встает. Подходит. Не касается. Просто стоит рядом.

— А если... если я потеряю все?

Он смотрит на меня.

— Ты не потеряешь себя. Пока ты есть — ты все можешь построить заново.

Я впервые за весь день чувствую: внутри не только пустота. Там еще что-то теплится. Где-то глубоко.

Он подходит ближе. Наши глаза встречаются. Он уже совсем рядом. Я чувствую его дыхание. Его рука ложиться на мою — теплая, крепкая, настоящая.

Единственное настоящее, что у меня есть сейчас.

— Мария... — голос низкий, почти шепотом, как будто он боится разрушить тишину.

Я не двигаюсь. Даже не дышу.

Он тянется ко мне. Медленно. Но решительно.

И в этот момент — звонок в дверь.

Как удар током. Мы отдергиваемся, как ошпаренные.

Я вдыхаю — будто только сейчас поняла, что все это время задерживала дыхание.

Он тоже молчит.

— Ты ждешь кого-то? — голос у меня сиплый.

Он качает головой.

В комнате становится не по себе. Все то, что только что было — тепло, близость — словно замерло в воздухе и вот-вот исчезнет.

— Тогда кто?.. — начинаю я.

Он уже идет к двери.

Я встаю, следом, сердце стучит так, что грохот отдается в ушах.

За дверью — тишина.

Только еще один короткий, резкий звонок.

Глава 10

Мария

За дверью никого не оказалось.

Я и Игорь стояли в напряжении ещё несколько секунд — будто ждали, что за ней появится кто-то с ножом или очередной орущей женой.

Но — была только тишина.

На лестничной площадке никого.

Ни шагов, ни теней. Только запах курицы из соседской квартиры и хлопок где-то на верхнем этаже.

— Может, дети играют, — сказал Игорь, но сам звучал неубедительно.

Я только кивнула.

— Или призраки прошлого, — добавила я, и мы оба засмеялись. Нервно. Слишком громко.

И только когда дверь снова закрылась, я почувствовала, как по коже прошел холод. Как будто кто-то все равно был там. Рядом.

Игорь смотрит на меня.

Его глаза — серо-голубые, как холодная речная вода. Он красивый, но не нарочно. Не тот тип внешности, что запоминается с первого взгляда. Но если присмотришься... он как фильм, который долго не можешь забыть.

Высокий, плечистый. Движения точные, без суеты.

А голос — низкий, будто с хрипотцой, как после ночи на балконе.

Он подает мне чай. Я беру.

Ложка в кружке звенит. Слишком сильно. Рука дрожит.

— У тебя крепкие нервы, — вдруг говорит он.

Я смотрю на него.

— Да ну? По-моему, у меня уже нервов нет. Только пыль.

Он мягко усмехается. И в этой улыбке — тепло.

Не жалость. А понимание.

— Ты держись, Маш. Даже если тебе кажется, что падаешь. Я видел людей, которые ломались из-за меньшего.

Он произносит это просто, без пафоса. И все равно — внутри щелкает. Как будто кто-то дал мне опору.

— А ты? Ломался? — спрашиваю я внезапно, глядя на него.

Он делает паузу. Уводит взгляд. Проводит пальцами по чашке.

— Было. Когда ушел отец. Мы с сестрой остались вдвоем с матерью.

Он только тихо вздохнул.

— С тех пор не люблю, когда кто-то исчезает. Поэтому и выбрал это дело. Хочу находить. Я молчу.

Что-то во мне отзывается. Как будто его одиночество — это не совсем чужое.

Мы сидим в тишине. Уютной, почти домашней. Он напротив. Лампа над столом светит тускло, чай остывает, но мы не спешим.

Звонит его телефон лежавший на столе.

Он резко выпрямляется.

— Извини.

Берет трубку. Уходит в соседнюю комнату.

Я слышу только фразы:

— ...Да, девочка. Шесть лет...

— ...исчезла по дороге из школы...

— ...я приеду вечером...

Я стискиваю кружку. Мозг фиксирует: чужая трагедия. Но тело не реагирует. Я вся в себе. Смотрю на окно. На кружку. На ложку, которую вожу по кругу. Медленно, как будто этим можно вымешать боль.

Костик псих. Это ведь правда.

Семь детей. Три женщины. Четыре получается. Но я уже не в счет.

Фальшивые документы. Комната с игрушками, как алтарь.

А зачем он жил со мной то?

Зачем десять лет лгал, клялся, что любит?

Зачем давал надежду, если все время строил другие жизни, без меня?

Украл десять лет.

Я могла бы за это время построить семью. Родить ребенка. Двоих. Троих.

С мужчиной, который был бы рядом. За руку. По-настоящему.

С таким, как... Игорь.

А почему нет?

Смотрю в сторону комнаты. Он там. Разговаривает. Голос тихий, сосредоточенный.

Он другой. Совсем.

Мужчина, у которого есть сила.

Плечо. Молчание, в котором можно спрятаться.

А я...

Я все эти годы жила в иллюзии. В букете. В лживой сказке.

Я же все видела. Командировки, поездки. Неделями не было. А я — “ну, он устал”, “работает”.

Боже, цветы свои поливала, “цветочный магазин” развивала, бизнесумен, чтоб ее...
Смеюсь тихо. И тут же — слезы, но только уже не пролитые.
Он возвращается. Садится. Смотрит на меня, но ничего не спрашивает.

Я делаю глоток.

— Ты ведь знаешь что-то еще, да?

Он кивает.

— Документы. Мы нашли поддельные брачные свидетельства. Зарегистрированы не в ЗАГСе, а через частные каналы. С женщинами, от которых у него дети. Юридически — липа. Но визуально — все как положено.

Он поднимает ноутбук. Показывает мне отсканированные документы.

На экране — свидетельство о браке. С печатью. ФИО: Константин Сергеевич Лисицын и Ольга Михайловна Астахова.

Дата: 2018 год.

— Чегооо?..

— Это не ты. Очевидно. — Игорь пожимает плечами, ну да это не я, очевидно.

Я промолчала. Он листал дальше.

— Вот еще одно. 2020-й. Брак с Валерией Бессмертной.

— Это подделка же, да? — Я смотрю в экран и не верю собственным глазам, щеки опять безумно горят, давление скачет.

— То есть... он на бумаге с ними женат, или что? Я ничего не понимаю.

— Неофициально. Для виду. Или чтобы подстраховаться. Но документы были. Может, для банков, может, для аренды, кто знает. Он вел несколько "браков" одновременно. Под разными предложениями.

— Но... зачем так усложнять?

— Деньги. Игра. Или просто... он жил так.

— А со мной?...

— С тобой у него была официальная история. Единственная, зарегистрированная. Но это ничего не значит, Маш. Он жил — как дышал. Одновременно. Фантомами.

Я молчу.

— Все ложь, — говорю я, глядя в кружку. — Абсолютно все.

Он не спорит.

— Маша, — тихо произносит он, — я не знаю, зачем он это делал, правда. Может, хотел казаться, а не быть. Сразу. Для всех.

Я вздыхаю. В этом вздохе — вся тяжесть последней недели.

Я не плакала. Уже не было слез. Только усталость и пустота.

Мы не стали об этом больше говорить. Я осталась у Игоря до позднего вечера, а потом он вызвал мне такси.

Я пообещала написать.

Не знала, сдержу ли.

На следующий день я пошла в аптеку — просто чтобы выйти из дома. Ноги привели меня в торговый центр.

И там — среди молчаливых витрин, кофейни и парфюмерных ароматов — я увидела ЕЕ. Мать Костика.

Она мать своего сын. Что тут скажешь.

Высокая, худощавая, в дорогом пальто. Всегда при макияже, с волосами, уложенными в немодную, но выверенную волну.

Ее движения были резкими, уверенными, как у женщины, которая давно ничего не боится. Или думает, что не боится.

Она увидела меня, замерла на секунду — и тут же вытянула губы в пренебрежительную линию.

Запах от нее — терпкий, горьковатый. Как духи, в которых слишком много амбры. Или високомерия.

Сидит с подружкой. Пьет кофе с трубочкой, как школьница.

И улыбается.

— О, Марусь. Все еще живешь? — спрашивает так, будто я должна была давно исчезнуть.

Она смерила меня взглядом. И этот взгляд...

Он пахнул холодом. Пренебрежением. Судом.

Я не отвечаю. Сажусь рядом. Не знаю зачем.

Она делает глоток и продолжает:

— Я, конечно, догадывалась, что у Костика кто-то есть. Ну... кроме тебя. Он же у нас мужчина темпераментный. — сказала она с улыбкой, от которой хотелось вытереть лицо.

Смотрит на меня с таким пренебрежением, что оно пахнет.

Я дышу медленно.

— Вы знали?

— Догадывалась. А что я должна была делать? Он сын. Он — мой. Ты всегда была какая-то... странная.

— Почему вы молчали?

— А зачем? Чтобы разрушить иллюзию? Ты ведь так старалась играть жену. Уютную. Влюбленную. Глупую, с последним у тебя всегда особенно хорошо получалось. — Она хихикнула и закатила глаза.

Ее слова — как соль на живую кожу.

— Костик звонил мне, — говорит она вдруг.

Сердце замирает.

— Сказал, что вернется через пару дней. Девочка его еще слабенькая, врач не разрешает уезжать. Но он приедет. И все объяснит.

Я смотрю на нее.

Слова не идут.

Смысла в них нет.

Она смотрит на меня с ленивым, почти довольным лицом. Как будто говорит: я победила.

— Я поняла, — выдыхаю, опуская плечи. А что еще мне ей сказать?

Она уходит, оставив чашку наполовину пустой.

Я сижу за ее столиком. Долго.

Потом поднимаю телефон.

И пишу Игорю.

Он возвращается.

Глава 11

Мария

Звонок раздался в четыре утра.

Номер незнакомый. Я сначала не хотела брать.

Но что-то внутри — инстинкт, предчувствие, дрожь — заставило поднять.
— Это Мария Лисицкая?

— Да...

— Ваш магазин... горит. Вам нужно срочно приехать.
Я не сразу поняла. Горит?! Это как?!

Пожар. Магазин. Цветы.
Я вскочила. Оделась, как попало.
Спортивный костюм и балетки.

Моцарт метался за мной.

Я не знала, куда девать руки.
Вызвала такси. Дрожала вся дорога.
И вот я стою у ограждения. Лента. Пожарные в касках, серые струи пара, зеваки с телефонами.
Огонь уже почти погас.

Но дым еще стоит столбом. Горький, плотный, как горе.

Пожарные поливают водой то, что раньше было моей жизнью.
Моим цветочным миром.
Я стою, не дыша.

Руки дрожат.

Хочется подбежать, вырваться из оцепления, закричать:

— Стойте! Там мои цветы! Там моя душа! Там все, что осталось от меня!
Но я не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.